

Право рукоплесканій въ судѣ.

Приходится иногда встрѣчаться въ печати, а чаще—въ обществѣ съ такими доводами, относительно права публики выражать громкое одобреніе или неодобреніе вердикту присяжныхъ, съ которыми едва-ли можно согласиться. Во всякомъ случаѣ на этотъ вопросъ слѣдуетъ смотрѣть не съ одной только установившейся точки зрѣнія. Къ безусловному лишенію публики названнаго права можно придти, лишь путемъ такъ называемаго *юридическаго мышленія*. Но юридическая логика, еще не очень давно авторитетная и даже, пожалуй, непогрѣшимая, потеряла, въ настоящее время, свою обаятельную силу, потому что слишкомъ часто приходится убѣждаться въ ея несостоятельности, въ томъ, что она держится своими особыми юридическими построеніями, часто не имѣющими ничего общаго съ логикой обыкновенной;—въ томъ, что она, какъ и нѣкоторыя другія области знанія, чрезчуръ склонна къ умозаключеніямъ, основаннымъ на авторитетѣ, склонна безусловно вѣрить, что если такъ высказались уже Пухта, Бэконъ, Миттермайеръ, Аренсъ или иные, то слѣдовательно (?) нечего больше и толковать, словомъ, склонна къ чрезмѣрно вышнимъ умственнымъ выводамъ.

Юристы, а за ними и масса большинства въ обществѣ, не нѣе сознательно, совершенно вѣрны юридическому мышленію, традиціямъ юридической науки, воспрещающей гласное выраженіе

одобрения или порицания рѣшенія суда присяжныхъ. Но такъ-ли состоятельна эта теорія, какъ въ томъ убѣждены завзятые юристы? Посмотримъ. Главный доводъ ихъ, единственный, имѣющій за собою кажущуюся убѣдительность, заключается въ томъ, что присяжные, постановляя свой приговоръ, должны быть совершенно свободны отъ постороннихъ вліяній. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, воплѣ-ли это достижимо на практикѣ, слѣдуетъ лишь сказать, что на свободное постановленіе приговора присяжныхъ не можетъ имѣть ровно никакого вліянія одобрение или неодобрение его со стороны публики уже потому, что это одобрение или неодобрение, естественно, можетъ быть ею выражено только *послѣ* объявленія приговора, а не *ранѣе*. Можетъ-ли, слѣдовательно, на основаніи обыкновенной логики, быть рѣчь о какомъ-либо вліяніи того или другого настроенія публики на приговоръ присяжныхъ? Скажутъ, что зная, что приговоръ ихъ можетъ быть гласно одобренъ или неодобренъ публикой, присяжные будутъ сообразоваться съ ея симпатіями или антипатіями, — но вѣдь это уже будетъ натяжкой, не требующей возраженія, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, повторяю, присяжные не могутъ быть, на практикѣ, какъ бы крѣпко ихъ ни запирали, воплѣ лишены знакомства съ настроеніемъ публики, а съ другой—развѣ не сильнѣе рукоприкладній вліяніе печати? Почему же давать цѣну только аплодисментамъ? Другое дѣло — лишеніе публики права шумно выражать свои мнѣнія *во время судебного слѣдствія* (да и тутъ невозможно на практикѣ устранить глухого ропота, сдержаннаго одобрения, того, что называется *движеніемъ въ публикѣ*), — отъ этого удерживается, въ продолжительныхъ процессахъ, и уважающая себя печать; но рѣчь идетъ не о томъ, а объ аплодисментахъ публики приговору присяжныхъ.

Вотъ главный доводъ юристовъ, очень легко уничтожаемый. Но въ ихъ арсеналѣ есть и другія доказательства, играющія впрочемъ преимущественно роль курьезовъ. Юристы говорятъ, что судъ не театральная зала. Правда. Но, во-первыхъ, театръ не скоморошеская потѣха и сравненіе съ нимъ вовсе не обидно, а во-вторыхъ, судебная камера и не церковь, а общественное учрежденіе, контролируемое общественнымъ мнѣніемъ. Если рукоплесканія допускаются въ представительныхъ палатахъ, противъ чего никто не споритъ, то почему же они должны быть исключены въ судебныхъ? Развѣ рѣшенія представительныхъ палатъ менѣе важны рѣшеній судебныхъ? Развѣ рѣшеніе вопроса о войнѣ или мирѣ менѣе важно, чѣмъ рѣшеніе вопроса о виновности или не виновности подсудимаго? Если допускать возможность нежелательно-сильнаго вліянія рукоплесканій на совѣсть присяжныхъ, то изъ одного желанія быть *юридически* — послѣдовательнымъ, слѣдуетъ допускать возможность такого-же вліянія и на совѣсть народныхъ представителей.

Понятна была бы логичность юристовъ, если бы они стояли за безусловное запрещеніе критическаго отношенія публики къ суду, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, — это было бы по крайней мѣрѣ *юридически* — послѣдовательно; но они, на оборотъ, допускаютъ печатное обсужденіе судебныхъ рѣшеній (а оно можетъ и должно имѣть дѣйствительное вліяніе на установленіе взглядовъ общества) и возстаютъ только противъ рукоплесканій. Право, вспоминается при этомъ нуризмъ былыхъ устроителей *благородныхъ* спектаклей, также строго воспрещавшихъ публикѣ заявлять свое одобреніе или порицаніе игрѣ прелестной дочки дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. или не менѣе прелестной супруги генерала Б.

А. Гацискій.